

УДК 316.2

ОКСАНА ПИПИЧ,

соискатель кафедры теории и истории социологии Киевского национального университета им. Тараса Шевченко, заведующая отделом исследований ТРК “Украина”

Социальные круги в исследованиях социальных сетей (толкование понятия и перспективы его применения)

Аннотация

В статье предложено рассмотрение и толкование понятия социального круга в контексте концепции социальных сетей, являющейся попыткой смоделировать сложные социальные взаимосвязи, опираясь на понятие сети. Данный подход выводит на методологию исследования социальных кругов методами социометрии и сетевого анализа. Это обнаруживает новый ракурс понимания эмпирических референтов социального круга как научного понятия и социального образования. Автор анализирует концепцию “пересечения социальных кругов” Г.Зиммеля, инициировавшую анализ сетей в качестве теоретического направления. Особое внимание уделено дальнейшему развитию понимания социальных кругов сторонниками анализа сетей, в частности Ч.Кадушиным. Исходя из этого в статье предложены общие выводы касательно сущности социальных кругов и их разновидностей, а также в отношении идеи пересечения социальных кругов и расширения социальных кругов благодаря специфическим “слабым связям” в социальных сетях (согласно концепции “силы слабых связей” М.Грановеттера). Исходя из этого высказывается предположение об особенностях обмена информацией и мнениями в социальных кругах, влиянии социальных кругов на формирование общественного мнения.

Ключевые слова: *социальный круг, социальная сеть, социометрия, слабые связи*

Современные общества — сложные системные образования, имеющие разветвленную, многоуровневую структуру. Это побуждает социологов к построению соответствующих концептуальных подходов и методов эмпирических исследований, применимых для отображения этой сложности. Одним из таких подходов стала концепция социальных сетей, представляю-

щая собой попытку моделировать сложные взаимосвязи в обществе, опираясь на понятие “сети”. В качестве формы таких взаимосвязей начали рассматривать и социальные круги, в итоге разработка соответствующего понятия превратилась в одно из направлений теоретического осмысления сложных структурных процессов и моделей отношений между людьми в социальных сетях. Целью статьи является рассмотрение и толкование понятия социального круга в указанном контексте¹. Такое направление исследований выводит нас на еще один путь обоснования концепции социальных кругов посредством их анализа методами социометрии и сетевого анализа. Таким образом, к уже очерченному направлению исследования социальных кругов в аспекте актуализации различия непосредственных и опосредованных отношений между людьми [Пипич А., Пипич О., 2008], которое мы находим, к примеру, еще у Ф.Тенниса, добавляется попытка рассмотрения его современной модификации.

Понятие социального круга относительно мало разработано в понятийно-категориальном аппарате социологии и скорее является периферийным. Можно сослаться на несколько возможных причин того, что, несмотря на отдельные попытки его теоретического осмысления еще в позапрошлом веке, ни отечественные, ни зарубежные социологи должного внимания ему не уделяли.

Во-первых, понятие социального круга заимствовано из языка повседневности, поэтому многие исследователи используют его исключительно в качестве образа, метафоры. Основанием для этого служит то, что “круг” представляет собой весьма универсальный культурный символ или архетип (не случайно синонимом “круга” в соответствующем контексте является слово “мир” [Тресиддер, 1999], однако имеет глубинное символическое значение и в социальном аспекте. Его прозрачность, поскольку обычно имеют в виду ближайшее человеческое окружение (например, круг друзей), никак не способствует критической рефлексии значения этого слова, без чего преобразование метафоры в понятие невозможно.

С другой стороны, можно сказать, используя терминологию Г.Гарфинкеля, что “социальный круг” является определенным индексальным выражением. Поэтому его применение зависит от контекста, от конкретных обстоятельств, в которых оно употребляется как само собой разумеющееся, приобретая многозначность. В итоге в научной социологической литературе исследователи чаще всего имеют в виду отнюдь не собственно научное его трактование. Это, с одной стороны, сужает понимание “социального круга” до определенной замкнутой общности людей, в которую трудно попасть постороннему (вспомним “руководящие (господствующие) круги”, “бизнес-круги”, “культурные круги” и т.п.), а с другой — расширяет его до символа любой общности в ее целостности и единстве. Вот почему, говоря о “широких общественных кругах”, под ними понимают и разнообразие социальные группы, и слои общества, которые либо причастны к одной социальной деятельности, либо имеют схожее мнение по поводу конкретной социальной проблемы (по аналогии с “широкими слоями населения”, “общественными интересами”).

¹ Другие теоретические традиции рассмотрения понятия социального круга в социологии см.: [Пипич О., 2000; Пипич О., 2002].

Таким образом, проблема поиска адекватных эмпирических референтов этого понятия и выявления методологического аспекта его применения еще больше заостряет непростой вопрос трактования социальных кругов на эмпирическом уровне. Так, социальные круги определяются как социальные образования, не имеющие четкой внутренней организации и системы контроля, не оказывающие на индивида такого давления, как группа, но в то же время крайне важные в жизни человека с точки зрения процесса индивидуализации и влияющие на формирование общественного мнения [Фролов, 1996; Штомпка, 2005; Щепанский, 1969]. Отсюда более общая проблема: как эмпирически зафиксировать именно такого рода социальные образования, поскольку традиционные социологические методы в основном рассчитаны на изучение институционализированных социальных групп.

Наконец, третью причину определенного невнимания к понятию “социального круга” в американской социологической мысли приводит Чарльз Кадушин — один из сторонников так называемой концепции социальных кругов. Он предполагает, что понятие “социальный круг” часто игнорируют именно американские социологи, поскольку существуют различия между американским и европейским обществами. Ч.Кадушин считает, что социальные круги (о которых писал Г.Зиммель, впервые применив соответствующее выражение и введя его в научный оборот как понятие) — это явление присуще прежде всего европейскому обществу и в меньшей мере — американскому [Kadushin, 2004].

Впрочем, как уже отмечалось, понятие социального круга все же привлекло внимание и американских исследователей, в первую очередь в контексте концепции социальных сетей. Исследование сетей — сравнительно новое направление социологической мысли, оно сформировалось в последние 50–60 лет. Тем не менее за это время удалось многое сделать как в построении теории сетей (скажем, в плане структуры и характера связей между индивидами в сетях различного типа), так и в формировании эмпирической базы прикладных исследований. В то же время и в этих исследованиях, и в теории остаются нерешенные проблемы. В частности, речь идет о применении понятия социального круга в трактовке прямых, или близких отношений между личностями как узлами сетей.

Влияние концепции “пересечения социальных кругов” Георга Зиммеля на исследование социальных сетей

Количественные и статистические методы эмпирической социологии анализа социальной реальности неизбежно наталкиваются на проблему многообразия и сложности потоков человеческих взаимоотношений, пересечения социальных статусов. В основе проблемы применения статистических методов лежит неявное допущение о том, что социальные единицы существуют независимо друг от друга. Исследование социальных сетей как определенный подход к решению этой проблемы, напротив, базируется на видении социальной реальности как очень сложного образования — скопления сетей, рассматриваемых как объединение небольших взаимопересекающихся социальных единиц, которые в дальнейшем образуют большие, а те, в свою очередь, также частично совпадая, вырастают в упомянутые выше скопления [Kadushin, 2004: р. 46]. Понимание общества как сложной паутины связей и

сетей отношений между людьми связано с представлением о множественности и пересечении этих отношений и было заимствовано приверженцами сетевого анализа у немецкого философа и социолога Георга Зиммеля.

В центре внимания Зиммеля лежит понятие социального круга, точнее концепция “пересечения социальных кругов” (англ. “intersection of social circles”), которая у него является одной из самых важных и в итоге становится ключевой в указанном выше аспекте рассмотрения социума. Зиммель видит социальную реальность, общество в целом как сложное переплетение и частично пересечение разнообразных социальных кругов, что послужило толчком для целого ряда исследований социальных сетей представителями американского направления сетевого анализа, пытавшимися увидеть общество как сложную совокупность социальных сетей, как паутину социальных связей.

Как отмечают сами сторонники анализа сетей, именно теоретические разработки Зиммеля, его концепция пересечения социальных кругов вдохновили их на рассмотрение способов функционирования социальных систем в указанном выше контексте, в отличие от британских антропологов, сориентированных на изучение форм сетей. Импульсом для этого стали переводы на английский работ Георга Зиммеля в 50-х годах прошлого века, в период формирования базовых понятий исследования социальных сетей¹. В частности на американских исследователей повлияло предположение Зиммеля о том, что форма социальных отношений преимущественно определяет их содержание. Благодаря работам Зиммеля американские сторонники сетевого анализа начали поднимать вопрос о том, каким образом пути, которыми отношения между людьми объединяются в социальные системы, обуславливают индивидуальное поведение и обмен ресурсами в парах акторов (диадический обмен) [Scott, 1991].

Изучение социальных кругов Зиммель начинает с аналогии между формированием личности и появлением социальной структуры. По его мнению, по аналогии с ассоциацией представлений самостоятельная содержательность или индивидуальность проявляется только тогда, когда она выступает в виде нескольких разнородных соединений. Семейный, ближайший круг безразличен к индивидуальности человека. Семья сначала связывает некоторую часть разнородных индивидуальностей. Постепенно каждый член завязывает отношения за пределами этого первичного круга. Здесь уже отношения более содержательные, а не базируются исключительно на сосуществовании. Такому процессу способствовал гуманистический перелом, нарушивший средневековую изоляцию групп (в качестве примеров Зиммель приводит сборники биографий, объединявшие богословов с художниками, государственных деятелей — с филологами, а также дружбу короля Неаполя Роберта — с Петраркой).

Что в этих рассуждениях главное — это не просто переход от единичных родственных к множественным связям, а суждение об отношениях, которые начали развиваться между разными членами семей. Во времена Средневековья уже существовали множественные связи, хотя они были замкнутыми:

¹ Например, американские исследователи социальных сетей пользовались американским переводом 1955 года его работы: Simmel, Georg. 1955. Originally published 1922. *Conflict and Web of Group-Affiliations*. Glencoe, Il: Free Press. Foreward by Reinhard Bendix.

одна доминантная групповая принадлежность к ключевой группе определяла остальной ряд принадлежностей. Такие связи Зиммель называет “концентрическими кругами”. Они не обуславливают ни одной специальной позиции для вовлеченного в них человека, поскольку участие в наименьшей из этих групп сразу же означает участие в больших группах. Концентрические связи типичны для средневекового общества. В противовес этому развитие современного Зиммелю общества, которое немецкий философ ассоциирует с процессом гуманизации, дает основания рассматривать возникновение идеи добровольных ассоциаций, где членство обусловлено выбором. Благодаря разнообразию своих склонностей и интересов индивид примыкает к социальному образованию, но уже в новом качестве, “в осознанной и усиленной форме” [Зиммель, 1996]. Соответственно, в таком обществе скорее преобладают круги, которые перекрещиваются, пересекаются (англ. *intersecting, cross-cutting*), нежели концентрические круги.

Таким образом, социализация вместо того, чтобы принудительно объединять в единый круг разнородные элементы личности, дает возможность объединяться однородному из разнородных кругов. Именно в пересекающихся кругах членство любым способом объединяет любых индивидов. Отсюда “личность отдает себя социальному кругу и теряется в нем ради того, чтобы потом снова воспроизвести свою самобытность путем индивидуального пересечения социальных кругов... По своему происхождению личность представляет собой только пункт, в котором пересекается множество социальных нитей” [Зиммель, 1996: с. 414].

Можно предположить, что именно это Зиммелево толкование о пересечении связей между индивидами и подталкивало к представлению об обществе как о разворачивающейся сети отношений. И таким образом идея о пересечении социальных кругов воплотилась в представления о социальных сетях. Замечу также, что эта концепция была ценна еще и тем, что рассматривала двойственную природу социального членства. Что, в свою очередь, привело к разработке идеи участия в социальных движениях путем присоединения ко множеству групп и организаций — как политических, так и субкультурных — в рамках некоторой аналитически определенной структуры. Современный анализ социальных движений и, в частности, “концепция раскола” Роккана возникли из Зиммелевой концепции “пересечения социальных кругов” (см.: [Diani, 2000: p. 392]).

Социальный круг в понятийном аппарате сетевых исследований. Концепция “социальных кругов” Чарльза Кадушина

Несмотря на зиммелевские корни, толкование и определение социального круга в исследованиях сетей и сетевом анализе подверглись определенной модификации.

В теории социальных сетей понятие социального круга возникает в рамках рассмотрения сегментации сети, то есть толкования ее композиции и составляющих [Kadushin, 2004: p. 33; Scott, 1991: p. 103–125]. Аналитики сетей подчеркивают, что главной их заботой является основанная на наблюдении проблема группирования, то есть люди, организации, институты, страны — любые социальные единицы, которые только можно себе представить, — не всегда прямо связаны между собой, а имеют тенденцию группи-

роваться (англ. to cluster) в совокупности или образовывать группы. Отсюда едва ли не самой первой из задач сетевой теории и сетевого анализа оказывается определение путей описания и исследования соответствующих кластеров или групп. А “социальный круг” как раз и является тем понятием, которое позволяет описать и объяснить эту кластеризацию.

В частности, понятие социального круга мы находим в известном пособии Джона Скотта “Анализ социальных сетей” [Scott, 1996]. При рассмотрении социальных кругов автор ссылается на аналитика сетевого анализа Элбы, который доказывал, что концепцию “социальных кругов” можно использовать для отображения структурных особенностей социальных сетей [Scott, 1996: р. 122]. Исследуя и интерпретируя множество пересечений в любом графе (изображающем взаимосвязи индивидов), исследователи сетей пришли к выводу о необходимости их обобщения и систематизации. Сделать это они намеревались, используя концепцию, которая бы помогла интерпретировать пересечение или перекрывание клик¹ в достаточно плотной сети.

Такой концепцией как раз и стала концепция “социальных кругов” Г.Зиммеля. Однако Элба настаивал на отличии своего подхода от оригинальной концепции Зиммеля. Главное допущение Зиммеля заключалось в том, что деление социальных кругов построено не на непосредственных контактах индивидов (англ. face-to-face contacts), а на опосредованных связях, объединяющих этих индивидов. Элба, наоборот, пытался осмыслить концепцию “социальных кругов” в социометрических терминах. Его основной аргумент сводился к тому, что клики² можно объединить в круг, если количество членов каждой из них превышает определенный предел. Элба отмечает, что наиболее соответствующим в этом случае будет использование метода “снежного кома”, суть которого заключается в том, что клики с каждым следующим шагом объединяются в более широкие круги.

Процедура объединения клик в круги имеет довольно механический характер и предполагает два шага. Первый шаг — идентификация клики-1, представляющей собой триаду. Эти клики сливаются в круги, если они отличаются только одним членом. То есть клики объединяются в круг, если две трети их членов идентичны. В результате образуются один или несколько кругов вместе с отдельными кликами и изолированными точками. На втором шаге клики могут объединиться с теми кругами, в которых уровень пересечения самый низкий. Иными словами, люди могут иметь разное количество прямых контактов в пределах социальной сети, влияющих на поведение ее членов. Совокупность лиц, находящихся в прямых контактах с индивидом, на которого ориентирована сеть, определяется как круг первого

1 Клика (a clique) — это совокупность (набор) “точек”, каждая из которых соответствует индивиду, а каждая возможная пара “точек” прямо соединяется линией; такая клика не включает другие клики. Клика из трех “точек” (индивидов) имеет три линии (то есть все три индивида имеют между собой взаимоотношения); клика из четырех “точек” — шесть линий и т.д. [Scott, 1991].

2 В социологии под кликой обычно понимают специфическую неформальную группу, возникающую в рамках формальных организаций и состоящую из индивидов, объединенных общими, в основном корыстными интересами и стремящихся к их достижению любыми средствами [Социологический энциклопедический словарь, 1998]. Однако в сетевом анализе клику толкуют несколько иначе.

порядка. Иначе говоря, это прямые контакты “Эго” в личной сети. Круг может быть первого, второго порядка и т.д.

Отмечу, что в таком толковании социальные круги предстают как проявление процесса кластеризации в социальной сети. Таким образом, соответствующее понятие объясняет, каким образом могут возникать и формироваться социальные круги в рамках сети. Однако остается неопределенность касательно широких или больших (по Зиммелю) социальных кругов, то есть кругов, где одновременно существуют как прямые, непосредственные связи, так и не прямые отношения. Кроме того, возникает вопрос о том, что представляют собой социальные круги, каково их значение для индивидов и социальной структуры. На основе сетевого анализа это, в частности, пытался выяснить американский аналитик сетей Чарльз Кадушин¹.

Чарльз Кадушин отмечает, что свою концепцию “социальных кругов” он опубликовал еще в 1966 году [Kadushin, 1995; Kadushin, 2004]. Как и для других исследователей, толчком для построения этой концепции послужил перевод на английский язык в 1955 году работы Зиммеля “The Web and Group affiliation”², которую я уже упоминала выше. Для Кадушина, как и для Зиммеля, социальные круги служат характеристикой современного массового развитого общества, поскольку помогают интегрировать явно не связанные между собой первичные группы в рамках более крупных общностей. Так, Зиммель полагал, что развитая культура постоянно преумножает количество социальных кругов. Поэтому, продолжает мысль Зиммеля Кадушин, круг не имеет ни четких границ, ни формального лидерства. Индивиды (или “узлы” (англ. “nodes”) в толковании Кадушина) в социальном круге чаще всего связаны через третьих или четвертых лиц, то есть не обязательно имеют прямые отношения. Именно поэтому круги иллюстрируют так называемый принцип “мир тесен”³ (англ. “small world”) (см. также: “Социальные круги как воображаемые общности” [Пипич, 2005]).

“Мир тесен” как эмпирический референт означает, что когда определенный человек в ходе общения с несколькими людьми спросит, знают ли они

1 Следует отметить, что Элба, о котором речь шла выше, является коллегой Ч. Кадушина. Поэтому подходы к рассмотрению социальных кругов у этих двух представителей анализа сетей схожи, хотя Кадушин уделял больше внимания разработке так называемой концепции социальных кругов.

2 Интересно, что, как отмечает Кадушин, в этом английском переводе переводчик Бендакс использовал термин “группа” вместо “круг”, который был в работе Зиммеля в оригинале. Кадушин, приводя цитаты Зиммеля, наоборот, заменяет “группу” на “круг”: “С моей точки зрения, группа является либо первичной группой, либо конкретной (именованной) и институционализированной группировкой (кластером), более тесным, чем социальный круг, имеющий более свободную структуру” [Kadushin, 1995: p. 47]. Эта ситуация с переводом “круга” на английский еще раз подтверждает сложный процесс приобретения термином “социальный круг” понятийно-категориальных признаков. С другой стороны, это еще раз доказывает, что в Зиммелевой разработке понятия социального круга остались белые пятна.

3 Согласно выводам исследования американских социологов Поула и Когена 1978 года, если нет пересечений в персональных сетях, то теоретически существует 2–3 шага между любыми двумя людьми в Соединенных Штатах Америки. Согласно исследованиям Милиграма 1967–1970 годов, среднее количество связующих звеньев в полноценной цепи варьирует от 2 до 10, а в среднем — 5–8 [Granovetter, 1973; Kadushin, 2004].

некоего *X*, весьма вероятно окажется, что индивиды из одного круга его будут знать. И наоборот, если после нескольких попыток никто не будет знать *X*, то это явно будет знаком того, что человек попал не в свой круг. Очевидно, что ““концепция социальных кругов”, — пишет Кадушин, — имеет отношение к принципу “мир тесен”. Поскольку мир кластеризуется (группируется) в социальные круги, которые частично пересекаются (англ. *overlapping circles*), он становится как более тесным, так и более широким: в случае принадлежности к одному кругу дистанция между узлами короче, хотя плотность¹ остается меньшей, чем в первичной группе. В случае же непринадлежности к одному кругу расстояние между узлами может быть очень большим” [Kadushin, 2004: p. 47].

Обобщая приведенные выше рассуждения американского исследователя, можно предположить, что социальные круги Кадушин определяет как социальные образования, характеризующиеся непрямым взаимодействием на основе общего интереса и одновременно относительно низким уровнем институционализации.

Важной характеристикой социальных кругов, которую приводит Кадушин, является существование в них так называемых ресурсных потоков, к каковым относятся схожие идеи, интересы, ценности, а в случае экономических кругов — обмен ценными предметами торговли (товарами). Под последними Кадушин имеет в виду “индустрии” (англ. “*industries*”), не обязательно состоящие из всех факторов производства. Речь идет о таких отраслях производства, как мода или издательское дело, в которых порой достаточно иметь телефон и компьютер, а остальные факторы производства — от редакторов до печатных машин — формируются под конкретный проект, например печать определенной книги. Кадушин приводит примеры индустрий, характерных для американской экономики: “Бродвей”, “Голливуд”, “Медисон Авеню”, “Седьмая Авеню”, “Уолл Стрит” и т.п.². Американский исследователь отмечает, что пространственное размещение этих индустрий выполняет важную функцию в существовании социальных кругов американского общества, поэтому возникает проблема сосуществования сетевой и географической дистанции между индивидами определенного круга.

Можно выделить три самые важные характеристики социального круга, которые упоминает Чарльз Кадушин. Во-первых, круг характеризуется сетью косвенных взаимодействий, то есть большинство членов круга связаны с другими членами через третьих лиц. Более подробный анализ того, как это происходит, попробую привести ниже. Эта характеристика опять же доказывает отличие социального круга от полноценной группы с непосредственными

¹ Плотностью в сетевом анализе обозначают насыщенность сети связями [Веселкин, 1976]. Это “характеристика сплоченности сети, определяющаяся соотношением количества всех связей, существующих между акторами, с количеством потенциально возможных связей в сети при условии, что все акторы в ней были бы связаны прямыми взаимными связями” [Жулькевська, 2003].

² Для нашего общества выделение таких “индустрий” весьма непривычно. Так, в частности, под Уолл Стрит, фактически являющейся небольшой улицей на Манхэттене в Нью-Йорке, понимают как фондовую биржу, расположенную на этой улице, так и в переносном смысле весь фондовый рынок Соединенных Штатов Америки. Таким образом, под определенным географическим местом имеют в виду социальное пространство, пронизанное сетью человеческих отношений.

ми контактами. Во-вторых, по мнению Кадушина, существование социального круга возможно постольку, поскольку его члены имеют определенные общие интересы¹. В-третьих, добавляет американский исследователь, круг не является формальным образованием; он: (а) не имеет формальных лидеров, хотя в нем могут быть центральные личности; (b) не имеет четко определенных целей, хотя почти всегда выполняет некие скрытые функции; (с) не имеет определенных правил, которые бы обуславливали способы взаимодействия, однако взаимодействия в кругу зачастую основываются на обычаях; и (d) не имеет четких критериев членства в кругу [Kadushin, 1968].

Далее Кадушин пытается выделить разновидности социальных кругов, отталкиваясь от четырех типов общих интересов, которыми могут обладать члены круга² [Kadushin, 1968: p. 692].

1. **Культурные круги** (англ. “*cultural circles*”). Они объединяют членов на основании: (а) ценностных или мировоззренческих ориентаций, таких как религия, психотерапия и другие “философии жизни”; (b) эмоциональных целей, связанных с литературой, искусством или отдыхом; и (с) познавательных целей, таких как наука и технология.

2. **Прагматические (утилитарные) круги** (англ. “*utilitarian circles*”) характеризуются общей потребностью в торговле товарами и услугами с другими производителями. Например, “Уолл Стрит”, “Седьмая Авеню”, “Голливуд”.

3. **Властные круги и круги влияния** (англ. “*power and influence circles*”). Здесь прежде всего речь идет об элите, эффективное изучение которой, согласно Кадушину, возможно именно благодаря концепции социальных кругов, на что нужно обратить особое внимание, учитывая современную моду на элитологию в нашей политологической мысли.

4. **Объединяющие (интеграционные) круги** (англ. “*integrative circles*”) базируются на общем опыте индивидов, сформировавшемся в результате определенного взаимодействия. Например, этническое членство, опыт времен войны или участие в профессиональных сообществах. У нас схожую функцию выполняют землячества, в том числе в Киеве, как способ формирования уже властной элиты.

Что касается классификации, то выскажу предположение, что разновидностей социальных кругов действительно может быть много, но самое важное — это условия их возникновения в конкретном обществе³. Особого

¹ Ч.Кадушин не предпринимает детального анализа этой характеристики, хотя, по моему мнению, она очень важна. Попытку более детального анализа см. в статье автора “Социальные круги как воображаемые общности” [Пипич, 2005].

² Анализ классификаций социальных кругов, которые разрабатывались другими исследователями, см.: [Пипич, 2000; Пипич . 2002].

³ Например, Кадушин обращает внимание на разные предпосылки формирования американской и европейской социальных структур. До 1930-х годов американские города представляли собой преимущественно небольшие провинциальные городки. В то же время в Европе города были скорее метрополиями, нежели конгломератами небольших городов. А поскольку, по мнению Зиммеля, разговор и дискуссия являются ведущей деятельностью социальных кругов, то круги поначалу были характерны скорее для европейских, а не для американских городов.

рассмотрения требуют условия возникновения социальных кругов в украинском обществе, но это выходит за рамки данной работы.

Возникает необходимость в определении четких критериев социального круга. Одно из затруднений заключается в том, что, как отмечал еще Зиммель и как подчеркивал Кадушин, социальные круги образуются на основании как косвенных, так и непосредственных или прямых взаимоотношений между людьми. Именно поэтому, вспомним, Зиммель делил круги на узкие, где преобладают непосредственные, прямые отношения, и широкие круги, сформированные непрямыми отношениями. Таким образом, узкие круги могут образовывать более широкие социальные круги.

Ч.Кадушин выдвигает два основных положения касательно социальных кругов. Первое звучит так: “Члены социального круга, особенно ключевые члены, имеют определенные характеристики первичной группы, а именно: социальную поддержку и доверие, которого могут требовать другие члены (англ. *“enforceable trust”*)” [Kadushin, 2004]. На наличие таких свойств в социальных кругах, присущих также первичным группам, обращал внимание и Г.Зиммель. Речь шла о социальной поддержке, ситуации взаимодействия, каковым свойственно доверие между индивидами. По мнению Зиммеля, насколько тесным является круг (сообщество), можно судить по наличию определенной “родовой чести”, когда другие члены круга воспринимают бесчестье кого-либо из данного круга как свой личный урон, когда посягательства на достоинство сообщества в целом отражаются на каждом [Зиммель, 1996: с. 417]. Кадушин подчеркивает также, что язык — это не просто доверительные отношения между членами круга, но и возможные санкции, например, знаки исключения из круга, если такое доверие было нарушено одним из членов.

Второе утверждение заключается в том, что “чем больше количество пересекающихся социальных кругов, узлом которых является член, тем больше социальный капитал¹ данного узла”. В качестве примера реализации этого утверждения Кадушин приводит результаты своего исследования среди людей, начинавших в свое время психотерапевтическую практику. Оказалось, что культурные круги Нью-Йорка 1960-х годов имели тенденцию пересекаться с психотерапевтическими кругами, а это означает, что одновременно и нормы, и информация одного круга благодаря таким пересечениям становились более доступными для другого круга [Kadushin, 2004: p. 49].

Основание этого утверждения также находим у Георга Зиммеля, который определял зависимость потенциальной возможности индивидуализации от количества социальных кругов в жизни индивида. Чем больше количество социальных кругов, к которым принадлежит индивид, тем он уникальнее, то есть тем сложнее найти другого индивида с таким же набором характеристик. Эту идею Кадушин осмысливает в терминах сетевого анализа

¹ В исследованиях социальных сетей под социальным капиталом обычно понимают ресурсы социальной сети, которые могут использовать индивиды (акторы) для достижения своей цели и реализации собственных интересов. Социальный капитал данного узла означает его сетевую позицию, определяющую возможности использования ресурсов, имеющихся у членов сети. Социальный капитал может состоять из финансового, физического и человеческого капиталов [Градосельская, 2004; Kadushin, 1995].

и концепции социального капитала¹. С точки зрения сетевой теории данное утверждение вытекает из представлений об известной “силе слабых связей” М. Грановеттера, “посредничестве” (англ. “*brokerage*”) и “структурных дырах” (англ. “*structural holes*”). Все три понятия имеют отношение к определению меры свободы отношений между индивидами в сети, степени связанности индивида с другими и, кроме того, вызывают огромный интерес у приверженцев экономической социологии. Как отмечает Е. Жулькевская [Жулькевська, 2003], изучение посредничества в сети (то есть меры свободы актора в реализации собственных интересов и контроле ресурсов в сети), критерии его измерения — это мало разработанное направление, хотя и очень важное, учитывая перспективы прогнозирования поведения индивидов с точки зрения анализа того, каким образом индивиды контролируют потоки ресурсов в сети и минимизируют ограничительные действия других².

По мнению Ч. Кадушина, особое значение для социальных кругов приобретают “посредники” (англ. “*brokers*”), то есть индивиды, имеющие доступ ко многим не соотносящимся кругам. “Посредники” очень нужны для социальных кругов, поскольку последние не складываются в плотные сети, не имеют формального лидера и отличаются значительными дистанциями между узлами. Именно “посредники” обеспечивают функциональные возможности кругов в создании чего-либо (культуры, товаров), выступая манипуляторами “структурных дыр”³ и посредниками в слабых связях.

Слабые связи в сетях и социальные круги

Особо интересна для понимания природы и специфики социальных кругов упоминавшаяся выше концепция “силы слабых связей” (англ. “*The strength of Weak Ties*”) Марка Грановеттера. Гипотеза Грановеттера (одного из наиболее часто цитируемых авторов в современной американской социологической мысли) о важности слабых связей в сетях оказалась весьма плодотворной, хотя в большей мере была воспринята экономическими социологами, для которых особое значение приобретает исследование перемещения ресурсов в сетях, их распределение и доступ к ним (тогда как сам Грановеттер подчеркивает, что его исходным интересом была проблематика неравенства и стратификации). Замечу, что Грановеттер также использует понятие социального круга, но не дает его четкого определения.

Силу связи Грановеттер определяет как сочетание четырех связанных, но независимых элементов: количества времени, эмоциональной интенсивности, близости (взаимного доверия) и взаимных услуг, которые характеризуют эту связь [Granovetter, 1973: p. 1361]. Грановеттер делит связи на насыщенные или сильные (англ. *strong*), слабые (англ. *weak*) и отсутствующие, то

1 Замечу, что понятие социального капитала неоднозначно, и это требует отдельного рассмотрения, однако не является целью данной статьи.

2 Теоретико-методологические проблемы опосредования социальных отношений см. также: [Пипич А., Пипич О., 2008].

3 “Структурные дыры” служат характеристикой Эго-сети в контексте автономности Эго и его свободы от контроля и ограничений со стороны других акторов. Структурные дыры определяются эффективными, но не насыщенными связями и низким уровнем ограничения и иерархии в Эго-сети [Жулькевська, 2003].

есть когда совсем нет никаких отношений (англ. *absent*) или речь идет о далеком знакомстве (правда, без определения эмпирических референтов) (англ. *nodding*)¹. Очевидно, что сильные связи являются сложными, многофункциональными связями, когда наблюдается максимальное проявление всех четырех составляющих: чем сильнее связь, тем больше времени люди проводят вместе, с большими эмоциональностью и доверием и большим количеством услуг друг другу. Напротив, чем слабее связь, тем меньше проявляется каждая из названных составляющих.

М. Грановеттер также предполагает, что сходство людей по разным социальным признакам указывает на силу связи между ними. Чем более похожими друг на друга оказываются люди и чем больше времени они уделяют общению друг с другом, тем сильнее связь между ними. Это предположение также требует поиска соответствующих референтов и эмпирического подтверждения. Замечу, что для существования и функционирования социальных кругов более важными могут оказаться слабые в плане времени и эмоциональной интенсивности связи, но сильные по доверительности и количеству услуг.

В процессе осмысления соответствующих социальных явлений Грановеттер приходит к выводу о том, что слабые связи способствуют диффузии и перемещению в первую очередь такого ресурса, как информация. Ученый предполагает, что удаление слабой связи более разрушительно с точки зрения передачи возможностей, чем удаление сильной связи, поскольку слабые связи обеспечивают для этого кратчайшие пути.

В этом контексте вспомним определение социальных кругов как пересечения клик, предложенное Элбой. Возникает вопрос, каким образом клики могут пересекаться, если под ними понимать сети с максимальной плотностью и закрытостью, то есть когда каждый индивид связан с остальными в своей клике и не связан с другими кликами. Используя термины Грановеттера, можно отметить, что все члены клики имеют либо сильные связи друг с другом, либо так называемые отсутствующие связи. Итак, выскажу предположение, что клики расширяются в социальные круги именно благодаря существованию *слабых связей*, которые могут возникать в клике. В дальнейшем пересечения социальных кругов в сети также происходят частично благодаря слабым *связям* членов сети.

Иными словами, в социальный круг (в контексте представления общества через сети отношений) входят “друзья друзей” или же “знакомые знакомых”. Отсюда связи типа “друзья друзей” и “знакомые знакомых” лучше всего отражает принцип развертывания клик сети в социальные круги. Такие обороты, как “знакомые знакомых” или “друзья друзей”, взяты из языка повседневности, и это действительно наиболее распространенное определение слабых связей. Кроме того, эти выражения, отражая понимание индивидом своего социального круга и, в определенном смысле, будучи проекцией восприятия социального круга в обыденном сознании, делают подобные вещи эмпирическими референтами того, что называют “*социальным кругом*”. В самом деле, люди в повседневной жизни, ссылаясь на отношения типа “знакомые знакомых”, неосознанно рассматривают этих индивидов как себе подоб-

¹ Грановеттер анализирует позитивные и симметричные связи, но не прибегает к анализу негативных и асимметричных отношений. Впрочем, изучение таких связей также представляет определенный интерес.

ных, как людей “своего социального круга”. И именно через “знакомых знакомых” в обществе происходит даже более эффективная коммуникация, нежели на основе традиционных родственных связей. В подтверждение этого Грановеттер приводит следующий пример: в ходе исследования он обнаружил, что люди быстрее находят работу именно благодаря слабым связям, что и дало ему основания для вывода: “...слабо связанные вероятнее всего попадут в круг, отличный от нашего, и таким образом получают доступ к информации, отличной от доступной нам” [Granovetter, 1973: p. 1371].

Однако, отмечает М.Грановеттер, не все слабые связи оказывают такое сильное влияние, а лишь так называемые мосты (англ. “bridges”)¹. Все подобные мосты характеризуются слабыми связями, но в то же время слабые связи не обязательно являются мостами. Грановеттер пишет: “Важность слабых связей заключается в том, что они более вероятно являются мостами, чем сильные связи. Таким образом, профессиональные группы, получающие наибольшую пользу от слабых связей, — это группы, связанные с социальными кругами, отличающимися от их собственных кругов” [Granovetter, 1983: p. 208]².

Итак, приходим к выводу о том, что *слабые связи*, о которых говорит Грановеттер, не только создают социальные круги, но и способствуют пересечению разных социальных кругов. Очевидно также, что социальные круги состоят как из слабых, так и из сильных связей. А значит, важность слабых связей, являющихся мостами, не умаляет значения сильных связей. Именно наличие сильных связей в социальном кругу дает основания говорить о представлении социального круга как закрытого образования, в которое трудно попасть постороннему. Сильные связи также влияют на формирование доверия и на возможные санкции со стороны круга, если это доверие не будет оправдано. Отсюда вывод Грановеттера, согласно которому для конкретного индивида действительно важно иметь связи разной силы — и сильные, и слабые [Granovetter, 1983].

Однако слабые связи имеют еще одну черту, пожалуй наиболее важную в контексте рассмотрения социальных кругов. Как уже отмечалось, по мнению Грановеттера, слабые связи способствуют процессу диффузии в социальной системе. Благодаря слабым связям-мостам могут распространяться инновации, а также идеи и информация, особенно культурные образцы и научные идеи [Granovetter, 1983: p. 214]. Небольшое количество слабых связей означает для индивида невозможность получать информацию из отдаленных частей социальной системы. “Более того, — отмечает Грановеттер, — таких индивидов трудно организовать или интегрировать в какие-либо политические

1 “Мост” — это связь в сети, обеспечивающая только путь между двумя точками [Granovetter, 1973: p. 1364]. Удаление такого “моста” ведет к формированию несвязанных элементов. Иными словами, “мосты обеспечивают взаимодействие между разными сплоченными подгруппами” [Жулькевська, 2003].

2 Следует отметить (и это видно из приведенной цитаты), что хотя прямо Грановеттер не рассматривает социальные круги, однако он делает акцент на том, что слабые связи-мосты скорее объединяют разные социальные круги, нежели помогают создавать один. По-видимому, Грановеттер пытался подчеркнуть именно способность слабых связей объединять разьединенные однородные социальные объекты, то есть вряд ли он изучал феномен социальных кругов как таковой.

движения, поскольку членство в движениях или целенаправленных организациях обычно обеспечивается в результате вербовки через друзей. Хотя членов одной или двух клик можно вполне эффективно рекрутировать, проблема заключается в том, что без слабых связей любые движения, сгенерированные таким образом, не распространяются за пределы клики. В итоге большинство населения будет недоступно” [Granovetter, 1983: p. 202].

Следовательно, можно утверждать следующее: поскольку благодаря слабым связям, пронизывающим социальные круги и позволяющим им пересекаться, распространяются информация и мнения, на первый план выходит важная коммуникативная функция социальных кругов. Без таких связей медленнее распространяются новые идеи и подгруппы остаются разрозненными. Видимо, именно поэтому, как отмечал Зиммель, количество социальных кругов свидетельствует о развитости общества и высоте культуры, ведь чем больше пересечений социальных кругов, тем больше распространяются инновации. Наряду с инновациями в социальных кругах благодаря слабым связям-мостам происходит обмен информацией и мнениями. Это дает основания предположить, что социальные круги влияют на формирование общественного мнения. О таком влиянии упоминали и Ч.Кадушин, и польский социолог Ян Щепанский¹.

Мысль о том, что социальные круги пересекаются и образуют более широкие социальные круги благодаря существованию слабых связей, обеспечивающих важную коммуникативную функцию кругов, подтверждается, в частности, результатами исследований канадского аналитика сетей Барри Уэллмана. Целью исследований этого социолога было определение места родственных связей в системе связей индивида, воплощение активных контактов с друзьями, соседями и сослуживцами [Уэллман, 2000]. Такой анализ сделал возможным сравнение родства и дружбы.

Уэллман предполагает, что наиболее широкая сеть непосредственных личных связей состоит из тех, с кем возможны неформальные периодические отношения. По оценке Уэллмана, большинство людей имеют около 400 взаимоотношений со взрослыми людьми. Причем слабые связи со знакомыми количественно превышают тесные отношения (то есть сильные связи), такие как поддержка, близость, партнерство, общая работа. Тесные отношения, по подсчетам Уэллмана, составляют всего 5% от всех отношений индивида, остальное — именно слабые отношения. Именно через них интегрируются социальные системы и обеспечивается распространение информации. Более того, эти связи даже более действенны, чем несколько сильных свя-

¹ Замечу, что, с одной стороны, Щепанский определяет социальный круг как совокупность лиц (перечень которых может меняться); они постоянно встречаются и поддерживают постоянные личные контакты, хотя не имеют четких принципов обособления от остальных [Щепанский, 1969]. Под “постоянными контактами” Щепанский, скорее всего, понимает сильные связи. В частности, он выделяет круги друзей и коллег, то есть характеризует так называемые узкие социальные круги (по терминологии Зиммеля). В то же время польский социолог выделяет так называемые контактные круги — людей, с которыми время от времени встречаются в поезде, магазине и обмениваются мнениями, которые, вероятнее всего, имеют слабые связи. Эти “круги” вряд ли подпадают под определение польского социолога. Кроме того, остаются без внимания широкие социальные круги, в которых связи не обязательно личностные и постоянные.

зей. Это дает Б.Уэллману основания выдвинуть предположение касательно распространения информации в социальных кругах: “Сильные связи объединяют людей, вращающихся в своих социальных кругах и, соответственно, имеющих одну и ту же информацию. Слабые связи объединяют людей, вращающихся в разных кругах общества и узнающих о новом для себя” [Уэллман, 2000: с. 79].

Слабые связи содействуют распространению идей и информации, однако эти структуральные допущения не дают ответа, почему именно эти идеи и информация воспринимаются и усваиваются членами данных сообществ. Понимание механизма разветвления социальных кругов и движения коммуникации в них является важным аспектом, однако и оно не дает ответа на вопрос, почему индивиды воспринимают определенные образцы поведения, ценности и нормы, присущие данному социальному кругу. Восприятие таких норм происходит, в частности, путем осознания индивидами себя как членов данного круга, ведь у индивидов должно быть “представление” о своем социальном круге, о своей идентификации с ним.

Следует отметить, что Грановеттер придавал особое значение гипотезе о существовании слабых связей в социальных сетях еще и потому, что это предположение образовывало контекст, в рамках которого становилось возможным объединение микро- и макроуровня социологической теории: “Слабые связи, — подчеркивает он, — более вероятно соединяют членов различных небольших групп, нежели насыщенные связи, имеющие тенденцию сосредотачиваться в рамках определенной группы” [Granovetter, 1973: р. 1376]. Сильные связи обеспечивают интеграцию на микроуровне, а слабые — на макроуровне. Наверное, именно поэтому, несмотря на далеко идущие замыслы Якоба Морено, социометрия не стала всеобщей наукой, не дошла до “измерения социальных отношений в наиболее широком смысле” [Морено, 2001: с. 54]. Социометрические тесты, которые, несмотря на их потенциал, свелись к фиксации именно сильных связей в рамках определенной группы, в итоге оказались несостоятельными в исследованиях больших структур, переход к которым обеспечивается слабыми связями.

Таким образом, исследования слабых связей должны помочь перейти от исследований микроуровня (малых групп) к макроуровню (крупным сообществам, политическим организациям, феноменам социальной мобильности и т.п.). Такое понимание можно соотнести с пониманием природы социального круга. Именно социальный круг (если предположить, что социальные круги в сети разворачиваются благодаря существованию слабых связей, а точнее, специфика социальных кругов частично обуславливает влияние слабых связей на обеспечение эффективной коммуникации) является понятием, которое, с одной стороны, отражает межличностные отношения, а с другой — позволяет строить предположения в отношении макроструктуры общества, совмещая исследования на микро- и макроуровне.

Именно поэтому, по-видимому, и Питер Блау при разработке своей макроструктурной теории уделял особое внимание Зиммелевой концепции пересечения социальных кругов [Blau, 1993]. В частности, в исследованиях социальной дифференциации и интеграции Блау, отрицая подход Т.Парсонса, по которому интеграцию в обществе обуславливают культурные нормы и ценности, высказывает мнение о том, что интеграцию вызывает определенный уровень структурной дифференциации. С одной стороны, не имея

непосредственных отношений, индивиды объединяются на основе сходства социальных позиций, то есть принадлежности к одному широкому кругу (добавлю от себя — то есть благодаря слабым связям). С другой стороны, существующая в сообществах разнородность заставляет создавать ассоциации за рамками своих первичных групп (то есть за пределами групп с сильными связями). В этом состоит характерная особенность макроструктурного подхода Блау — социальные структуры являются детерминирующим фактором индивидуального действия.

В этом смысле концепцию социальных кругов можно рассматривать не только как концепцию специфических социальных образований, разновидности неформальных объединений, элемента социальной структуры, но и как научную концепцию, призванную, в частности, помочь перейти от исследований микроструктур к обобщениям по поводу макроструктур общества.

Итак, используя концепцию “силы слабых связей”, можно сделать несколько предположений касательно природы социальных кругов.

Предположение 1. Слабые связи-мосты объединяют разные социальные круги.

Предположение 2. Чем больше слабых связей будет в сети, тем большим будет социальный круг.

Предположение 3. Различая узкие и широкие социальные круги по признаку доминирования в них прямых или косвенных связей, можно предположить, что в узких кругах преобладают сильные связи. Они являются более закрытыми социальными образованиями, в которых большинство членов знают друг друга лично и связаны между собой отношениями дружбы. В таких кругах бывает один или несколько лидеров. Очень важной характеристикой таких кругов, как упоминалось, является доверие, которого могут требовать другие члены (англ. “*enforceable trust*”). Кадушин, например, изучая “внутренний” круг французской финансовой элиты, приводит интересное и весьма характерное высказывание одного из ее представителей, слова которого чудесно иллюстрируют наше предположение: “Париж — это большая деревня. Обеды, завтраки *tete-a-tete*... Всегда одни и те же разговаривают, одни и те же приходят. Это бесконечно. Мы встречаемся постоянно. Коктейли, *legion d'honneurs*. Это никогда не закончится...” [Kadushin, 1995: p. 210]. Исследование такого типа социальных кругов возможно, в частности, благодаря использованию социометрических процедур.

Однако узкие круги не могут эффективно существовать, не пересекаясь с другими подобными узкими кругами. Как уже отмечалось, закрытые образования находятся на обочине информационных потоков. Можно предположить, что узкие круги благодаря слабым связям образуют более широкие социальные круги, в которых циркулируют информация и идеи. В этих более широких кругах нет внутренней структуры, нет лидеров. Конечно, могут существовать разные узкие круги врачей, однако все врачи принадлежат к широкому профессиональному кругу врачей, и, что гораздо важнее, врачи идентифицируют себя с ним. Поэтому такой широкий социальный круг можно рассматривать как воображаемую общность, поскольку принадлежащие к ней индивиды не обязательно связаны непосредственными отношениями или сильными связями, вряд ли когда-нибудь познакомятся со всеми представителями, однако в их воображении существует образ этого круга [Пипич, 2005].

Методология и методы исследования социальных кругов. Изучение социальных кругов в контексте исследования сетей

Социология, как и всякая научная дисциплина, стремится к подтверждению и проверке теоретических концепций и конструкций, понятий и категорий, которые возникали и возникают в процессе существования отдельных социальных образований и общества в целом. Все больше социологов, сформулировав свое видение социального мира, определенную концепцию, задаются вопросами: “А что дальше?”, “Как выявить и исследовать это?”

В контексте рассмотрения понимания социального круга в сетевом анализе нельзя обойти вниманием специальные методологические вопросы исследования социальных кругов как в рамках данного методологического направления, так и в целом. Методологические проблемы исследования социальных кругов также мешают более широкому использованию этого понятия в социологии. Как справедливо подчеркивает Кадушин, “одно дело “хорошо обсуждать” социальные круги и совсем другое — эмпирически их зафиксировать” [Kadushin, 1966: p. 789].

Как уже отмечалось, большинство аналитиков сетей (за исключением отдельной концепции Чарльза Кадушина) операционализируют Зиммелево понятие социального круга как пересечения относительно закрытых элементов сети (клики). Отсюда измерение характеристик социального круга сводится к определению величины пересечения между кликами как предела (меры) расстояния между ними. Для такого измерения характеристик социальных кругов в анализе сетей очень важно, какой подход используют при определении клики, то есть о чем идет речь — о том, что все члены клики имеют отношения между собой или же они потенциально знакомы через своих друзей, коллег по работе или родственников (например, подходы p-cliques или k-plexes) [Scott, 1991: p. 123].

Кадушин, используя менее формальный подход к толкованию сути социального круга, соответственно очерчивает другие подходы к исследованию социальных кругов¹. Так, одним из наиболее очевидных инструментов фиксации социального круга является социометрический метод.

Действительно, социометрия, по замыслу Морено, должна заниматься внутренней структурой общественных групп, которую можно сравнить со строением атома или физиологической структурой клетки [Морено, 2001]. Здесь главное внимание направлено не столько на разнообразные процессы, через которые возникают социальные образования (например “отношения” или “интеракции” между людьми и группами), а в первую очередь на образования, которые таким путем возникают. Исходя из этого Морено считает, что социальные сообщества можно изучать и правильно описывать только социометрическими методами. Социометрия изучает индивидов как раз в тот момент, когда они спонтанно вступают во взаимодействия, ведущие к созданию группы. Именно спонтанность возникновения отношений между людьми составляет стержень концепции Морено. Вследствие этого естественного стремления между людьми и возникают неформальные структуры и группы. А значит, спонтанные отношения характеризуют возникновение

¹ В одной из своих первых работ Кадушин, в частности, определяет “метод социального круга” как специфический метод исследования власти и влияния [Kadushin, 1968].

только малых групп, и только в них они могут быть неформальными. Таковую спонтанность, по мнению Морено, можно зафиксировать, измерить. Исследуя неосознанные выборы индивидов между собой, Морено выявляет неосознаваемые ими структуры взаимодействий на микроуровне.

Образование социальных кругов в принципе также процесс спонтанный и неформальный. Индивиды образуют социальные круги произвольно, причем подобную спонтанность можно отобразить путем фиксации взаимных неосознанных выборов. Кроме того, социометрию иногда называют “мерой общения” [Морено, 2001: с. 17]. Такое понимание как нельзя лучше соответствует применению этого метода для изучения социальных кругов, для которых коммуникативная функция является одной из системообразующих.

Как отмечалось, наиболее часто используемые социометрические процедуры ограничены изучением только сильных связей. Однако исследование социальных кругов должно фиксировать также слабые связи и непрямые отношения. Кроме того, одним из недостатков социометрического подхода является то, что, изучая отношения между социальными объектами (на что претендовал Морено), при этом не учитывают специфику самого этого объекта. Например, выявление структуры отношений не дает представления о групповых ценностях, стиле жизни. Таким образом, невозможность учета социального типа и позиций индивида в социальном пространстве частично привела к тому, что социометрический метод был сведен к исследованию реальных малых групп, чаще коллективов.

Вот почему Ч.Кадушин говорит о необходимости конструирования так называемой открытой социометрии, которая бы позволяла выйти на неформальные связи в больших социальных системах [Kadushin, 1968]. Один из путей ее построения — это использование техники “снежного кома”, о которой уже упоминалось. Здесь каждый из опрашиваемых рекомендует других как отвечающих определенному критерию (близкое знакомство, конкретная характеристика и т.п.). Такая “открытая социометрия” должна сделать возможным изучение как непосредственных (прямых), так и опосредованных (непрямых) отношений.

В итоге мы приходим к исследованию кругов в рамках анализа сетей. (Следует отметить, что именно социометрия частично побудила к развитию исследований сетей, фактически став распространением социометрических процедур, с определенной, разумеется, модификацией, на более широкие, чем группа, но неформальные образования¹.)

Социальные круги — это образования со слабыми институциональными связями; рамки социальных кругов трудно очертить, поскольку их существование не статичное (как, например, в социальной группе), а динамичное, то есть изменяется во времени и социальном пространстве. Люди каждый день знакомятся с другими людьми, тем самым осваивая и одновременно создавая свой определенный социальный круг. И наоборот, более

¹ Обратим внимание на то, что Морено использует понятие “психосоциальной сети” в своем исследовании “Социометрия: экспериментальный метод и наука об обществе” в 1951 году, то есть тремя годами ранее, чем один из основателей анализа сетей Дж.А.Барнес, который предложил понятие “социальная сеть” (согласно исследованиям анализа сетей [Градосельская, 2004], Барнес ввел понятие “социальная сеть” в своей работе “Class and Committees Island Parish” в 1954 году).

или менее постоянные отношения между индивидами со временем утрачиваются, но, несмотря на это, индивиды остаются принадлежащими к тому или иному социальному кругу. Социальные круги как будто растворены в социальном пространстве и существуют неявно. Даже в так называемых узких (малых) социальных кругах появление непосредственных отношений носит вероятностно-временной характер. То есть в социальном кругу индивиды продолжительное время могут и не иметь непосредственных отношений, но они оказываются связанными друг с другом через социальную сеть непрямых связей и коммуникаций.

Если социальная сеть — это совокупность всех межличностных отношений индивидов, то социальный круг можно обозначить как элемент социальной сети / социальную сеть, характеризующуюся как слабыми, так и сильными социальными связями, в основном ограниченными коммуникацией и/или сходством социальных позиций в социальном пространстве. Слабые связи означают минимальное давление на индивидов, поэтому социальные круги трудно очертить только через сеть контактов индивида. Именно поэтому сходство социальных позиций и социального типа и самоидентификация определяют принадлежность индивидов к социальным кругам.

Итак, социометрические тесты (в том числе техника снежного кома), сетевой анализ способны зафиксировать расположение социальных кругов в социальном пространстве. Однако социометрия и анализ сетей фиксируют социально-пространственное расположение социальных кругов. Сетевой анализ, изучая только совокупность связей между множеством членов социальной системы, нивелирует социальные позиции, поскольку предполагает, что сети возможны лишь в результате сходства позиций в социальном пространстве. Причем такое сходство интерпретируется в терминах теории графов.

Социальная позиция и социальный тип имеют большее значение для социального круга, чем для сети. С другой стороны, социальные круги как пространственные образования существуют в определенной мере и вне времени (а точнее, в социальном времени), значит, важно выбрать методы, предназначенные для изучения прошлых состояний социальных кругов. Кроме того, социальные круги в качестве “воображаемых” общностей конструируются и конституируются индивидами во многом благодаря процессу идентификации. Так, мы делим людей на людей “своего” социального круга и чужаков. Понимание того, почему члены социального круга разделяют идеи, нормы и ценности, эффективно распространяющиеся благодаря слабым связям-мостам, требует иных методологических подходов.

Очевидно, что качественная методология, использование индивидуальных и групповых глубинных интервью, биографического метода, этнометодологических методов должны дополнить исследовательскую стратегию изучения социальных кругов. Одним из способов получения данных для дальнейшей обработки методами социометрии и сетевого анализа являются интервью. Отсюда необходимость использования комплексного методологического подхода для изучения социальных кругов. Благодаря такому подходу анализ сетей и социометрические тесты должны способствовать выявлению социальных кругов, формулировке структуральных предположений, пониманию механизмов развертывания социальных кругов. С другой стороны, качественная методология может помочь понять, почему определенные образцы поведения, ценности и нормы, присущие конкретному

социальному кругу, усваиваются его членами, как именно происходит идентификация с социальным кругом и т.п. Этот подход открывает широкие возможности для дальнейшего исследования социальных кругов.

Источники

Веселкин Е.А. Понятие социальной сети в британской социальной антропологии / Е.А. Веселкин // Концепции зарубежной этнологии. — М., 1976. — С. 125–152.

Градосельская Г.В. Сетевой анализ как метод исследования современных трансформаций / Г.В. Градосельская // Социально-экономическая трансформация в России: научные доклады / Московский общественный научный фонд. — М., 2001. — С. 43–76.

Градосельская Г.В. Сетевые измерения в социологии : учеб. пособие / Градосельская Г.В. ; под ред. Г.С. Батыгина. — М. : Новый учебник, 2004.

Градосельская Г.В. Социальные сети: обмен частными трансфертами / Г.В. Градосельская // Социологический журнал. — 1999. — № 1/2.

Жулькевська О.В. Специфіка застосування мережевого аналізу в соціології : дис. ... канд. соціол. наук : 22.00.02 / Олена Володимирівна Жулькевська ; Київ. нац. ун-т ім. Тараса Шевченка. — К., 2003.

Зиммель Г. Проблемы социологии. Социальная дифференциация. Социологические-психологические исследования // Избранное / Зиммель Г. — М., 1996.

Морено Я.Л. Социометрия: Экспериментальный метод и наука об обществе / Морено Я.Л. ; пер. с англ. А. Боковинова. — М. : Академ. проект, 2001.

Пипич А.І. “Соціальні кола” у світлі концепції “соціального опосереднення” / А.І. Пипич, О.А. Пипич // Соціологія: теорія, методи, маркетинг. — 2008. — № 4. — С. 148–165.

Пипич О.А. Поняття “соціальне коло” в історії соціології / О.А. Пипич // Соціологія: теорія, методи, маркетинг. — 2000. — № 3. — С. 100–109.

Пипич О.А. Соціальне коло в понятійно-категоріальному апараті соціології / О.А. Пипич // Соціальні виміри суспільства. — 2002. — Вип. 5. — С. 195–209.

Пипич О.А. Соціальні кола як “уявні спільноти” / О.А. Пипич // Актуальні проблеми соціології, психології, педагогіки. — 2005. — № 4.

Словарь символов / Д. Тресиддер ; пер. с англ. С. Палько. — М. : Фаир-Пресс, 1999. — 444 с.

Социологический энциклопедический словарь / на русс., англ., нем., франц. и чешск. языках ; [ред.-координатор Г.В. Осипов]. — М., 1998.

Уэллман Б. Место родственников в системе личных связей / Б. Уэллман // Социологические исследования. — 2000. — № 6. — С. 78–87.

Фролов С.С. Социология : учеб. для высш. учеб. заведений // Фролов С.С. — 2-е изд., перераб. и доп. — М., 1996.

Штомпка П. Социология: анализ современного общества / Штомпка П. ; пер. с польск. С.М. Червонной. — М. : Логос, 2005. — С. 117–120.

Щепанский Я. Элементарные понятия социологии / Щепанский Я. — М., 1969.

Blau P.M. Multilevel Structural Analysis / P.M. Blau // Social Networks. — 1993. — № 15. — P. 201–215.

Diani M. Simmel to Rokkan and Beyond: Towards a Network Theory of (New) Social Movements / M. Diani // European Journal of Social Theory. — 2000. — Vol. 3.

Granovetter M. The Strength of Weak Ties / M. Granovetter // American journal of sociology. — 1973. — № 81. — P. 1287–1303.

Granovetter M. The Strength of Weak Ties: A Network Theory Revisited / M. Granovetter // Sociological Theory. — 1983. — Vol. 1. — P. 201–233.

Kadushin C. Friendship Among the French Financial Elite / C. Kadushin // American Sociological Review. — 1995. — Vol. 60, № 2, Apr. — P. 202–221.

Kadushin C. Introduction to Social Network Theory Chapter 2. Some Basic Network Concepts and Propositions [Electronic Resource] / C. Kadushin. — 2004. — Mode of access : http://www.communityanalytics.com/Portals/0/Resource_Library/Social%20Network%20Theory_Kadushin.pdf.

Kadushin C. Power, Influence and Social Circles: A New Methodology for Studying Opinion Makers / C. Kadushin // American Sociological Review. — 1968. — Vol. 33, № 5, Oct. — P. 685–699.

Kadushin C. The Friends and Supporters of Psychotherapy: On Social Circles in Urban Life / C. Kadushin // American Sociological Review. — 1966. — Vol. 31, № 6, Dec. — P. 786–802.

Scott J. Social network analysis: a handbook / Scott J. — L. : SAGE Publication, 1991.

Wellman B. Networks as personal communities / B. Wellman, P.J. Carrington, A. Hall // Social structures: A network approach / Wellman and Berkowitz (eds.). — Cambridge : Cambridge University Press, 1988. — P. 130–184.

Wellman B. Structural Analysis: from Metaphor to substance / B. Wellman // Social Structures: A Network Approach. — N.Y. : Cambridge University Press, 1988. — P. 19–62.